

Семиосфера Ю.М.Лотмана

(Аналогии с естествознанием, механизм подражания...)

Статья Ю.М.Лотмана интересна мне по крайней мере в следующих четырех отношениях. Во-первых, она проповедует идеи топоцентризма. Во-вторых, она может служить примером методологической аналогии между разными научными дисциплинами, т.е. примером методологического мышления. В третьих, перед нами материал, иллюстрирующий тесную связь естественнонаучного и гуманитарного мышления, я бы сказал, их органическое единство. И что бы ни говорили о специфике гуманитарного знания, как бы ни отгораживались от естествознания отдельные гуманитарии, факты говорят в пользу методологического изоморфизма наук естественных и гуманитарных. Наконец, в четвертых, она интересна как анализ традиций, в которых формировалась и развивалась семиотика. Все это сосредоточено здесь примерно на двух страницах.

«Современная семиотика переживает процесс пересмотра некоторых основных понятий. Общеизвестно, что у истоков семиотики лежат две научные традиции. Одна из них восходит к Пирсу - Моррису и отправляется от понятия знака как первоэлемента всякой семиотической системы. Вторая основывается на тезисах Соссюра и Пражской школы и кладет в основу антиномию языка и речи (текста). Однако при всем отличии этих подходов в них есть одна существенная общность: за основу берется простейший, атомарный элемент, и все последующее рассматривается с точки зрения сходства с ним. Так, в первом случае в основу анализа кладется изолированный знак, а все последующие семиотические феномены рассматриваются как последовательности знаков. Вторая точка зрения, в частности, выразилась в стремлении рассматривать отдельный коммуникативный акт - обмен сообщением между адресантом и адресатом - как первоэлемент и модель всякого семиотического акта. В результате индивидуальный акт знакового обмена стал рассматриваться как модель естественного языка, а модели естественных языков как универсальные семиотические модели, самое же семиотику стремились истолковать как распространение лингвистических методов на объекты, не включающиеся в традиционную лингвистику. Эту точку зрения, восходящую к Соссюру, с

предельной четкостью выразил покойный И. И. Ревзин, предложивший в прениях на второй Летней школе по вторичным моделирующим системам в Кязрику (1966) такое определение: «Предметом семиотики является любой объект, поддающийся средствам лингвистического описания».

Такой подход отвечал известному правилу научного мышления: восходить от простого к сложному - и на первом этапе безусловно себя оправдал. Однако в нем таится и опасность: эвристическая целесообразность (удобство анализа) начинает восприниматься как онтологическое свойство объекта, которому приписывается структура, восходящая от простых и четко очерченных атомарных элементов к постепенному их усложнению. Сложный объект сводится к сумме простых.

Пройденный за последние двадцать пять лет путь семиотических исследований позволяет на многое взглянуть иначе. Как можно теперь предположить, четкие и функционально однозначные системы в реальном функционировании не существуют сами по себе, в изолированном виде. Вычленение их обусловлено лишь эвристической необходимостью. Ни одна из них, взятая отдельно, фактически не работоспособна. Они функционируют, лишь будучи погружены в некий семиотический континуум, заполненный разнотипными и находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями. Такой континуум мы, по аналогии с введенным В. И. Вернадским понятием «биосфера», называем семиосферой. Следует предупредить против смешения употребляемого В. И. Вернадским термина «ноосфера» и вводимого нами понятия «семиосфера». Ноосфера - определенный этап в развитии биосферы, этап, связанный с разумной деятельностью человека. Биосфера Вернадского - космический механизм, занимающий определенное структурное место в планетарном единстве. Расположенная на поверхности нашей планеты и включающая в себя всю совокупность живого вещества, биосфера трансформирует лучистую энергию солнца в химическую и физическую, направленную на переработку «косной» неживой материи нашей планеты. Ноосфера образуется, когда в этом процессе доминирующее значение приобретает разум человека.¹ Если ноосфера имеет материально-

¹ «История научной мысли, научного знания <...> есть одновременно история создания в биосфере новой геологической силы - научной

пространственное бытие, охватывая часть нашей планеты, то пространство семиосферы носит абстрактный характер. Это, однако, отнюдь не означает, что понятие пространства употребляется здесь в метафорическом смысле. Мы имеем дело с определенной сферой, обладающей теми признаками, которые приписываются замкнутому в себе пространству. Только внутри такого пространства оказывается возможной реализация коммуникативных процессов и выработка новой информации.

Понимание В. И. Вернадским природы биосферы может быть полезно для определения вводимого нами понятия, поэтому на нем следует остановиться подробнее. В. И. Вернадский определил биосферу как пространство, заполненное живым веществом. «Живое вещество, - писал он, - есть совокупность живых организмов».² Такое определение, как кажется, дает основание полагать, что за основу берется атомарный факт отдельного живого организма, сумма которых образует биосферу. Однако в действительности это не так. Уже то, что живое вещество рассматривается как органическое единство - пленка на поверхности планеты - и что разнообразие ее внутренней организации отодвигается на второй план перед единством космической функции - быть механизмом переработки энергии, получаемой солнцем, в химическую и физическую энергию земли, - говорит о первичности, в сознании Вернадского, биосферы по отношению к отдельному организму. «Все эти сгущения жизни теснейшим образом между собою связаны. Одно не может существовать без другого. Эта связь между разными живыми пленками и сгущениями и неизменный их характер есть извечная черта механизма земной коры, проявляющаяся в ней в течение всего геологического времени».³ С особенной определенностью эта мысль выражена в следующей формуле: «Биосфера - имеет совершенно определенное строение, определяющее все без исключения в ней происходящее ... Человек, как он наблюдается в природе, как

мысли, раньше в биосфере отсутствовавшей» (Вернадский В. И. Размышления натуралиста: Научная мысль как планетарное явление. М., 1977. Кн. 2. С. 22).

² Вернадский В. И. Биосфера // Избр. труды по биогеохимии. М., 1967. С. 350.

³ Вернадский В. И. Избр. соч. В 6 т., М., 1960. Т. 5. С. 101.

и все живые организмы, как всякое живое существо, есть функция биосферы, в определенном ее пространстве- времени».⁴

Аналогичный подход возможен и в вопросах семиотики. Можно рассматривать семиотический универсум как совокупность отдельных текстов и замкнутых по отношению друг к другу языков. Тогда все здание будет выглядеть как составленное из отдельных кирпичиков. Однако более плодотворным представляется противоположный подход: все семиотическое пространство может рассматриваться как единый механизм (если не организм). Тогда первичной окажется не тот или иной кирпичик, а «большая система», именуемая семиосферой. Семиосфера есть то семиотическое пространство, вне которого невозможно само существование семиозиса.

Подобно тому как, склеивая отдельные бифштексы, мы не получим теленка, но, разрезая теленка, можем получить бифштексы, - суммируя частные семиотические акты, мы не получим семиотического универсума. Напротив, только существование такого универсума - семиосферы - делает определенный знаковый акт реальностью....

Одним из фундаментальных понятий семиотической отграниченности является понятие границы. Поскольку пространство семиосферы имеет абстрактный характер, границу ее не следует представлять себе средствами конкретного воображения. Подобно тому как в математике границей называется множество точек, принадлежащее одновременно и внутреннему, и внешнему пространству, семиотическая граница - сумма билингвальных переводческих «фильтров», переход сквозь которые переводит текст на другой язык (или языки), находящиеся вне данной семиосферы. «Замкнутость» семиосферы проявляется в том, что она не может соприкасаться с иносемиотическими текстами или с не-текстами. Для того чтобы они для нее получили реальность, ей необходимо перевести их на один из языков ее внутреннего пространства или семиотизировать факты. Таким образом, точки границы семиосферы можно уподобить чувственным рецепторам, переводящим внешние раздражители на язык нашей нервной системы, или блокам перевода, адаптирующим данной

⁴ Вернадский В. И. Размышления натуралиста... Кн. 2. С. 32.

семиотической сфере внешний для нее мир» (Ю.М.Лотман О семиосфере // Избранные статьи, Т. I, Таллинн, 1992. С. 11-13.)

Итак, что же делает Лотман? Не трудно видеть, что концепция биосферы, созданная Вернадским, выступает для него в роли образца по крайней мере в двух планах. Во-первых, он вводит понятие семиосферы явно по аналогии с понятием биосферы. Во-вторых, он настаивает на недостаточности элементаризма, опять-таки ссылаясь на Вернадского, хотя у последнего это не так уж и ясно выражено. Возникает вопрос: а что это значит ввести понятие А по аналогии или по образцу с понятием В? Тут возможны разные варианты анализа. У вас родился ребенок, и вы назвали его Сергеем. В какой эстафетной структуре вы при этом работаете? Во-первых, перед вами огромное количество образцов, показывающих, что каждому ребенку надо дать какое-либо имя. Во-вторых, есть набор имен, из которых принято выбирать. В третьих, можно сказать, что существует традиция, согласно которой мы постоянно выделяем в окружающей социальной среде отдельные человеческие индивиды и рассматриваем их как нечто самим себе идентичное от рождения до смерти. Иными словами, существует некоторая традиционная онтология атомизации социальной среды. Сказанное, однако, вовсе не означает, что перед нами здесь три разных эстафеты или три разных группы эстафет. Просто есть некоторое множество образцов именованья, а они задают и соответствующее онтологическое видение, и набор традиционных имен, и сам акт «крещения». Перед нами порождающая эстафетная структура как единое целое, а многообразие ее функций, их, если можно так выразиться, дискретность – это феномен рефлексии. Не следует поэтому, сталкиваясь с рефлексией, тотчас же искать изоморфную ей эстафетную структуру. Просто одна и та же структура может быть осознана с разных сторон, в зависимости от того, какие аспекты нашей деятельности нас интересуют. Почему мы даем имя каждому ребенку? Да потому, что существуют традиции именованья или «крещения». А почему в России выбирают не те имена, что в Англии или в Китае? Да потому, что набор имен тоже закреплен традицией. А почему мы даем человеку одно и то же имя на всю жизнь, хотя человек растет, изменяется, стареет...? Существует, вероятно, некоторая традиционная онтология восприятия индивида как некоторой целостности в границах рождения и смерти. Так можно породить

уйму традиций, и возникнет проблема выявления их связей. В такую ситуацию попал и я сам, когда выявлял наукообразующие программы.

А как появляется антиэлементаризм? Понятие биосферы созвучно таким терминам как атмосфера, литосфера, гидросфера, тропосфера... Эти понятия вовсе не связаны, как нам представляется с кризисом элементаризма. Вернадский, в своих работах, посвященных биосфере, прямо ссылается на Э.Зюсса. «Только в 1875 г. один из крупнейших геологов прошлого века, профессор Венского университета Э.Зюсс, ввел в науку представление о *биосфере* как об особой оболочке земной коры, охваченной жизнью.» (Т. V, С. 51.) Достаточно очевидно, что в это время уже существовала традиция выделения отдельных концентрических оболочек Земли. Сам Вернадский на той же странице пишет: «Биосфера составляет верхнюю *оболочку, или геосферу*, одной из больших концентрических оболочек нашей планеты – *земной коры*.» Представление о слоистых структурах вообще свойственно геологии, начиная, вероятно, со Стенона. Вернадский опять-таки на той же самой странице пишет: «Физические и химические свойства нашей планеты меняются закономерно в зависимости от их удаленности от центра. В концентрических отрезках они идентичны, что может быть установлено исследованием.» Итак, в историческом контексте возникновения понятия «биосфера» нет и следов антиэлементаризма. Последний, скорей, идет из самой лингвистики. Лотман, однако, присоединяясь к Вернадскому при выделении определенной оболочки или сферы, тут же интерпретирует самого Вернадского в духе идей антиэлементаризма, которые в наше время уже давно витают в воздухе. Получается даже так, что и эти идеи он заимствует у Вернадского. Но обратите внимание, приводимые им цитаты можно истолковать в духе антиэлементаризма только в том случае, если тебе этого очень хочется, и уж во всяком случае, если ты уже стоишь сам на этих позициях.

Что же мы в конечном итоге имеем в приведенном примере с понятием семиосферы? Во-первых, конечно, перед нами пример тесного взаимодействия естественных и гуманитарных наук. Но это далеко не все. Мы имеем здесь, во-вторых, хороший материал для иллюстрации того, как сложен сам механизм восприятия и воспроизведения образцов. Хорошо видно, как Лотман воспринимает образцы Вернадского в контексте своих собственных

представлений. Ведь идеи топоцентризма он заимствует не у него. Он сам пишет, что эти идеи развились в семиотике за последние двадцать пять лет, а статья написана в 1984 году. Итак, Лотман не столько подражает Вернадскому, сколько истолковывает его в духе своих представлений. А тогда где же здесь эстафета, и зачем все это нужно Лотману? Одна загадка порождает здесь другую. Обратите внимание, как все забавно. Лотман ссылается на Вернадского, опирается на него, делает его своим предшественником, хотя фактически сам приписывает Вернадскому то содержание, которое ему, Лотману необходимо. Он при этом тут же шарахается в сторону от Вернадского, ибо тот, действуя в своих традициях давно уже ввел понятие ноосферы, а это Лотману в какой-то степени даже мешает. Действительно, понятие ноосферы как раз и введено по аналогии с биосферой, и возникает вопрос: а нужно ли нам еще одно понятие аналогичного типа? И тут оказывается, что семиосфера – это вовсе не очередная оболочка Земли, что она существует не в реальном, а в абстрактном пространстве и что единственное, что Лотман взял у Вернадского – это идея целостности, идея топоцентризма. Но ведь он сам и вложил эту идею в уста Вернадского! Лотман, следовательно, создает как бы мнимого предшественника. Но зачем?

И тем не менее, как мне представляется, перед нами самая обыкновенная, но не абстрактная, а вполне реальная эстафета. И, несомненно, Лотман не случайно ссылается на Вернадского, ибо он, действительно, вводит понятие семиосферы с опорой на образец, взятый из геологии. Он, разумеется, трактует этот образец в контексте семиотических проблем и поэтому получает не очередную концентрическую оболочку земной коры, а нечто совсем иное. Перед нами пример новации, пример «пересечения» традиций, если хотите. Я давно пытаюсь свести все так называемые «пересечения» к смене контекста. Всегда ли это можно сделать? Не знаю. Но мне кажется, что факты приведенного типа я еще нигде не рассматривал.

Когда я анализирую текст Лотмана, мне все время хочется использовать понятие репрезентатора. Мне кажется, что имеет место следующая ситуация. Развитие семиотики приводит к представлениям, согласно которым элементаризм не проходит, ибо, строго говоря, целое не состоит из частей. Это нечто принципиально новое, с этим мы еще не сталкивались, и вот Лотман

прежде всего ищет в прошлом опыте нечто подобное, ищет образец, ищет репрезентатор. Он находит его у Вернадского, интерпретируя его при этом соответствующим образом. Только после этого, действуя, якобы, по образцу Вернадского, он вводит понятие семиосферы. Так ли это?